

ЦНСИ  
Центр Независимых Исследований  
Санкт-Петербург

# ПОЛИС

1'2006

Политические  
Исследования

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 1 (91) 2006

**Читайте  
в следующих  
номерах:**

Столетие российского  
парламентаризма

Конституционализм

Города, регионы и страны  
в политическом рельефе  
российских регионов

**POLIS**  
[www.politstudies.ru](http://www.politstudies.ru)

**Political Studies**

- North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Changes and Economic Performance*. Cambridge.
- Sergeyev V. 1998. *The Wild East*. N.Y.
- Sergeyev V., Biryukov N. 1993. *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture*. Brookfield.
- Tucker R. C. 1961. Towards a Comparative Politics of Movement-Regimes. — *American Political Science Review*, June.
- Weber M. 1976. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tubingen.
- Weber M. 1997. *The Russian Revolution*. Cambridge.

### Итоги конкурса 2005 г.

#### на лучшие научные и учебно-методические работы российских политологов

На основании заключений независимых экспертов Научный совет РАПН принял решение присудить

##### по разделу «научные работы — монографии»

###### I место монографиям:

Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М., 2004.

Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М., 2004.

Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избр. работы. М., 2004.

###### II место монографиям:

Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.

Кара-Мурза А.А. (ред.) Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII — XIX вв.). М., 2004.

###### III место монографиям:

Клемешев А.П. Российский эксclave: Преодоление конфликтогенности. СПб., 2005.

Юрченко М.В. Феномен политической идеологии. Краснодар, 2005.

##### по разделу «научные работы — сборники»

###### I место сборникам:

Публичная политика в России: По итогам российско-канадского проекта «Университет Калгари — Горбачев-Фонд». М., 2005.

###### II место сборникам:

Чернышов Ю.Г. (ред.) Дневник Алтайской школы политических исследований. Вып. 1–21. Барнаул, 1996 — 2005.

###### III место сборникам:

Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М., Ростов-на-Дону, 2004.

##### по разделу «учебные издания»

###### I место учебным пособиям:

Дегтярев А.А. Принятие политических решений: Уч. пособие. М., 2004.

Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике: Уч. пособие. М., 2004.

###### II место учебным пособиям:

Баранов А.В., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. М., 2004 — 2005.

Рахшмир П.Ю., Фадеева Л.А. (ред.) Политический процесс и эволюция политических институтов в XX веке. Уч. пособие. Пермь, 2005

###### III место учебным пособиям:

Буковская Н.В. Проблемы гражданского общества в современной России. Уч. пособие. (рук.)

Фарушкин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. М., 2004.

## РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТИЛЯ РАДИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

М.М. Соколов

### ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

В политических науках понятие «стиль» обычно используется для противопоставления того, как что-то делается, тому, что, собственно, делается, формы — содержанию, средств — целям. Среди первых примеров его употребления можно упомянуть исследования голосования в США в 1950-е годы, проводившиеся П.Лазарсфельдом и его коллегами. Авторы этого исследования противопоставляли «позиционные» различия между кандидатами (расхождения по поводу программных целей), «стилистическим» (вариации в средствах достижения целей, относительно которых не возникало принципиальных разногласий) [Berelson et al. 1954; см. также Campbell, Meier 1979]. Близкое значение (правда, с некоторым смещением акцентов) вкладывают в данное понятие Дж.Барбер [Barber 1992] и Р.Харриман [Harritman 1995], идентифицирующие политические стили на основании тех форм практического действия, которые предпочитает тот или иной политик.

Разумеется, употребление словосочетания «политический стиль» в описанном выше смысле допустимо лишь в той мере, в какой мы признаем, что формы политического действия могут быть выделены и рассмотрены отдельно от их назначения и что силы, прибегающие к сходным средствам, могут преследовать любые, даже противоположные, цели. Правомерность подобных допущений у многих вызовет сомнения. Во-первых, в современных условиях в центре межпартийных споров оказываются не столько цели (любой претендент на власть обещает избирателям свободу и процветание), сколько пути их достижения, т.е. по сути дела все различия между партиями можно назвать стилистическими. Во-вторых, само по себе разведение целей и средств весьма условно, ибо между ними существует тесная взаимосвязь. Например, трудно не усмотреть некоторого внутреннего противоречия в массовом терроре во имя либеральных ценностей.

Вместе с тем можно привести немало случаев, когда противопоставление политических стилей политическому содержанию оказывается аналитически ценным. К их числу, как представляется, относится и русское радикально-националистическое движение 1990-х годов. Оно объединяло организации, которые провозглашали своей основной задачей расширение политической власти русских за счет иных этнических групп, однако, несмотря на общность целей, движение распалось на нескольких замкнутых сегментов, крайне редко объединявшихся для проведения каких-либо сов-

СОКОЛОВ Михаил Михайлович, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, доцент кафедры сравнительной социологии СПбГУ.

местных акций. Практически исключен был и "обмен кадрами" между сегментами, хотя внутри них подобная циркуляция была постоянной.

Исследователи русского радикально-националистического движения конца прошлого столетия, как правило, выделяют в нем три сегмента, отличавшихся друг от друга риторикой и паттернами коллективных действий [Shenfield 2001; Лихачев 2002; Соколов 2004]. Первый из этих сегментов был представлен прежде всего Русским Национальным Единством (РНЕ), второй — Национал-большевистской партией (НБП), а третий — многочисленными группами скинхедов ("Русская цель", московское отделение "Blood and Honour" и др.). Невозможность прочного альянса между этими организациями обуславливалась не столько идеологическими противоречиями, сколько принципиальным несовпадением политических стилей\*.

Здесь придется сделать одну оговорку. Стилиевые различия между сегментами радикальных националистов проявлялись не только в сфере политического действия, но и на уровне систем аргументации. Так, РНЕ и близкие к нему организации предпочитали апеллировать к религиозным символам, а НБП — к "высококолым" теориям новых правых и новых левых (от Генона до Маркузе). Соответственно, их политические программы звучали далеко не одинаково (в отличие от РНЕ, НБП, например, никогда не опускалась до того, что Лимонов называл "пещерным антисемитизмом"). И все же, учитывая предельный эклектизм большинства радикально-националистических групп, "полосу отчуждения" между ними едва ли можно объявить идеологическими несовпадениями [Лихачев 1999]. Внутри каждого из сегментов и даже в любой достаточно крупной организации можно было встретить как православных, так и "язычников", как коммунистов, так и антикоммунистов, как поклонников германского нацизма, так и его противников. Участие или неучастие в организации определялось отношением к его политической практике, а не к идеологическим декларациям. Да и в самих этих декларациях главным было не содержание конкретной политической программы, а то, как она формулировалась.

Примечательно, что по крайней мере у двух из этих трех сегментов радикально-националистического движения имеются стилиевые аналоги в других частях политического спектра. Наряду с наци-скинхедами в России есть, хотя и немногочисленные, красные скинхеды, а акции национал-большевиков порой неотличимы от коллективных действий левых радикально-экологических групп (прежде всего "Greenpeace", школе "драматического мастерства" которого НБП многим обязана) и — в последние годы — молодежных отделений либеральных партий. Пример самой НБП более чем красноречив. В настоящее время нацболы, еще несколько лет назад составлявшие часть радикально-националистического движения, практически полностью отказались от националистической риторики, переопределив свои цели в терминах "защиты гражданских прав и свобод от террора

\* Иногда глубокие стилиевые расхождения прослеживались и внутри одной организации. Так, в Воронеже местным отделением РНЕ некоторое время называла себя группа скинхедов, бывшая практически автономной от московского руководства. Однако подобные этноидеологические анклавов всегда отличались крайней недолговечностью. Я благодарен А. Верховскому и А. Тарасову (Центр "Панорама"), которые рассказали мне эту историю.

полицейского государства". Однако этот идеологический дрейф и фундаментальная смена аргументации не повлекли за собой никаких принципиальных изменений в стиле коллективных действий.

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать внутреннюю логику политического стиля крупнейшей из русских радикально-националистических организаций 1990-х годов — РНЕ. В основу исследования положены документы этой организации, а также данные включенного наблюдения, проводившегося автором в 1998 — 2001 гг.

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ РНЕ

РНЕ возникло после того, как в начале 1990 г. Александр Баркашов, руководивший силовыми подразделениями "Памяти", вместе с несколькими десятками своих сторонников вышел из этой организации, поссорившись с ее лидером. РНЕ отличалось от "Памяти" и других аналогичных организаций совершенно новым паттерном коллективных действий [Лихачев, Прицыйковский 1997; Лихачев 2002; Shenfield 2001]. В противовес "Памяти", всегда сохранявшей черты дискуссионного клуба, РНЕ с самого начала имитировало структуру военного подразделения. Все его члены носили черную униформу и проводили много времени за строевой подготовкой и упражнениями в стрельбе. Их излюбленными коллективными действиями были не собрания и дискуссии, а марши и патрулирование улиц в качестве дружинников (иногда — совместно с милицией). При этом РНЕ контролировало разветвленную сеть охранных фирм, в которых работали его члены.

Будучи самой успешной националистической организацией из числа появившихся в 1990 — 1992 гг., РНЕ во многих отношениях была похожа на своих менее удачливых конкурентов. Близкий паттерн коллективных действий демонстрировали на протяжении 1990-х годов многие другие, менее известные организации, например обе Русские (Милосердова и Бондарика) и Русские национально-республиканские (Лысенко и Белева) партии, а также Народно-национальная партия Иванова-Сухаревского [подробнее см. Соколов 2004]. Как и РНЕ, они воспроизводили устройство армии или милиции и уделяли огромное внимание военной подготовке. Как и РНЕ, они совмещали политическую деятельность с коммерческой, открывая охранные предприятия. И, наконец, их члены, как и члены РНЕ, часто оказывались замешаны в преступлениях (связанных с насилием (заказные убийства, вооруженные ограбления) и торговлей оружием [Лихачев 2002]).

Что же определяло политический стиль подобных организаций? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем описать стилиевые особенности РНЕ, сопоставив их с аналогичными элементами политических стилей НБП и скинхедов.

**Уважение к порядку.** Несмотря на внушительный список уголовных дел, заведенных против членов РНЕ, Баркашов и его сторонники настаивали на том, что являются "самой законопослушной организацией". Стоило кому-либо из представителей организации попасть в поле зрения закона, как он тут же изгонялся из состава группы. Более того, в некоторых случаях, стремясь продемонстрировать свою готовность к сотрудничеству с милицией, РНЕ само добавляло на него "компромат" [Лихачев 2002: 18].

Тема законопослушания постоянно звучала на встречах РНЕ. При этом члены организации всячески подчеркивали, что их группа чужды какие бы то ни было экстремистские намерения, а принятая в РНЕ униформа и регулярные военные тренировки — лишь элемент подготовки молодежи к службе в армии\*. Весьма показательна в этом плане следующая, довольно типичная, запись в моем полевом дневнике:

*Парень в очках и берете с эмблемой объяснял, что их движение — целиком законопослушное и всегда соблюдает установленные правила. Угроза же погромов в основном исходит от провокаторов. Движение, которое выступает за порядок ("У нас что главное? Порядок"), не станет совершать ничего подобного...*

*Почему-то разговор вернулся к законопослушности. В подтверждение того, что закон надо соблюдать, он привел "эскадроны смерти" (которые вначале ступал с Красными бригадами): "Они тоже начали с того, что казнили преступников без приговора, а дошли до терроризма"...*

**Милитаризация.** Структура РНЕ (отделения, роты, батальоны), военнизированной униформа, способы, которыми делалась партийная карьера, и даже формы бюрократического делопроизводства (рапорты и приказы) однозначно ассоциируются с армией или правоохранительными органами. Данная черта стиля РНЕ может показаться противоречащей предыдущей. Однако при ближайшем рассмотрении эти элементы стиля предстают скорее взаимодополняющими, чем исключающими друг друга. Законопослушание приобретает совершенно иное значение, когда характеризует группу, способную (и, соответственно, испытывающую искушение) нарушить закон. Самое частое описание РНЕ, которое можно было услышать на встречах, — *"партия с полувоенной, вернее, полностью военной структурой"*.

Как уже упоминалось, члены РНЕ нередко помогали милиции, патрулируя улицы в качестве народных дружинников (самые известные случаи — в Москве, Екатеринбурге, Костроме и Салтыковке). Характерно, что их преступления (рэкет, вымогательство, избиения задержанных) мало чем отличались от преступлений настоящих милиционеров. РНЕ вообще поразительно легко находило общий язык с правоохранительными органами, даже когда выступало в роли нарушителя порядка. Так, во время проводившихся в Петербурге еженедельных встреч неоднократно можно было наблюдать, как милиционеры, пришедшие, чтобы разогнать несанкционированное собрание, мирно беседовали со старшим по пикету и затем удалялись, унося с собой партийные листовки.

Большинство членов РНЕ, о которых мне удалось собрать сведения, ранее служили в правоохранительных структурах либо в армии. Впрочем, собрать эти сведения было несложно, поскольку на встречах РНЕ военное прошлое и боевой опыт обычно составляли главный (а нередко — и единственный) элемент индивидуальных самопрезентаций и со стороны организаторов, и со стороны гостей. Те, кто не мог похвастаться высоким зва-

\* Отвечая на вопрос о том, как организация планирует прийти к власти, не участвуя в выборах и отвергая путь вооруженного переворота, члены РНЕ обычно говорили, что после неизбежного коллапса режима Ельцина власть сама собой перейдет в руки РНЕ, которое останется единственным оплотом порядка [подробнее см. Соколов 2001; Shenfield 2001].

нием или престижным местом службы (типа стратегической атомной подводной лодки), порой ссылались на достижения своих родственников. Счастливые обладатели военного опыта пользовались любой возможностью, чтобы обратить на него внимание присутствующих, как, например, в следующем обмене репликами (изначально речь шла о снятии Б. Березовского с должности члена Совета безопасности):

*Серый сказал, что Березовский с его миллиардами не пропадет. Именно за его нефтяную трубу была устроена чеченская война. Тут встрепенулся один из слушателей и стал спрашивать "А ты воевал?". После чего без всякой связи с предыдущей темой рассказал, что сам он воевал дважды — брал с рижским ОМОНОм телецентр и оттаивал Дубоссары в Приднестровье.*

Милитаристская стилизация отчетливо прослеживалась и во внешнем виде членов РНЕ, посещавших встречи. В одежде преобладали черный и защитные цвета, широко использовались детали гардероба, ассоциирующиеся с военной службой, — береты, высокие шнурованные ботинки, штаны военного образца и т.д. Даже пластически члены РНЕ подчеркивали свою принадлежность к военному сословию, спонтанно принимая позы "смирно" или "вольно" и гордо демонстрируя окружающим свою выправку\*. Среди националистов члены РНЕ пользовались репутацией главных специалистов по насилию. Так, вспоминая события, происходившие в осажденном Белом доме в начале октября 1993 г., Баркашов с некоторой обидой рассказывал, как его и его людей все пытались переманить на свою сторону, обещая какие угодно силовые посты в будущих министерствах (обида была вызвана тем, что Баркашов претендовал на большее, нежели роль "палача") [Баркашов 1998].

Чтобы оценить степень контраста РНЕ с националистическими организациями, принадлежавшими к другим сегментам движения, достаточно сравнить его с НБП. Военная подготовка и боевой опыт весьма нетипичны для членов НБП, которые, как правило, демонстрируют резко негативное отношение к тем, кто обладает таким опытом и подготовкой [см., напр. Лимонов 1998: 330-333]. Несмотря на то что партийный фольклор нацболов содержит массу историй об удачных насильственных акциях [Топорова 1999], в документах правоохранительных органов эти акции не зафиксированы и, видимо, в значительной степени вымышлены.

На протяжении 1994 — 2001 гг. (до ареста Лимонова) члены НБП всячески декларировали свою готовность к насилию, включая чисто криминальное, но прибегали к нему очень редко. Напротив, члены РНЕ, отрицавшие саму возможность каких бы то ни было связей с уголовным миром и организованной преступностью, постоянно на них попадались. Реальное отношение членов нацболов к насилию было (и остается) чисто платоническим, чтобы не сказать — мазохистским. Они постоянно оказывались жертвами то милиции и спецназа, то политических конкурентов (в т.ч. баркашовцев и белорусских националистов из БНФ). Политические атаки НБП всегда носи-

\* Своим внешним видом представители организации настолько отличались от прочих участников встреч, что этот эффект казался намеренно срежиссированным. На фоне пестрой толпы пенсионеров молодые, одетые в черное активисты РНЕ выглядели зримым воплощением собранности и дисциплины. Для полноты картины надо добавить, что члены РНЕ воздерживались от употребления ненормативной лексики, к которой "гости" прибегали постоянно.

ли символический характер. Объекты подобных атак — Зюганов, Михалков, Горбачев, принц Чарльз, Вешняков, Матвиенко — могли быть забросаны помидорами или облиты алыми чернилами, их могли ударить букетом, но никогда никто из них не рисковал получить сколько-нибудь серьезную травму.

Паттерн насильственных акций РНЕ диаметрально противоположен. В целом сторонники Баркашова довольно редко обращались к политическому насилию (в отличие от криминального), однако если это происходило, то насилие принимало форму жестоких избиений неугодных — представителей неправославных конфессий или этнических меньшинств, предполагаемых наркоторговцев и т.д. Характерно, что противозаконные политические акции НБП всегда были тщательно спланированы, в то время как аналогичные действия РНЕ обычно оказывались результатом спонтанной вспышки агрессии, причем позднее организация от них, как правило, откешивалась.

Что касается скинхедов, то паттерн их коллективных действий — плановая ночная охота на отдельную жертву — не имеет параллелей в деятельности ни РНЕ, ни НБП. Нападению с их стороны рисковали подвергнуться “кавказцы”, выходцы из Африки и Центральной и Южной Азии, представители иных молодежных субкультур (рэпперы, “алисоманы”), члены левых политических организаций (прежде всего анархисты), бомжи и, наконец, такие же скинхеды из числа болельщиков других футбольных команд. Этот набор потенциальных мишеней выглядит настолько случайным, что наводит на мысль о своеобразной “всеядности” скинхедов, которая совершенно чужда и группам типа РНЕ, и, тем более, нацболам.

72

**Политический функционализм.** Еще одна отличительная черта РНЕ — демонстративно пренебрежительное отношение к любым символическим действиям, к любой политической практике, смысл которой не тождествен ее непосредственным проявлениям. Вот как прокомментировал, например, нежелание своей организации принимать участие в проходивших в апреле 1999 г. совместных акциях оппозиции против военной операции НАТО в Югославии один из баркашовцев:

*Я спросил, почему их не было у американского консульства. Денис ответил, что не знает, какой смысл в этих акциях. “Просто так в мегафон покричать? Что, американцы узнают, что здесь РНЕ, и сразу свернутся?” Они предпочитают реальную работу... “Если бы кому-то из сербов понадобилась кровь для переливания, я бы встал в первые ряды”. Я заметил, что другие организации стремятся попасть в телевизор гораздо больше, чем они. “Вот Жириновский стремится! — ответил тот. — Если бы мы действовали, как он, чем бы мы от него отличались?”... Если бы партия переняла тактику Жириновского, он был бы первым, кто вышел из нее.*

Политике символических жестов здесь противопоставляется политика реальных действий, смысл которых в том благе, которое они предположительно приносят обществу\*.

\* В действительности РНЕ прилагало массу усилий, чтобы привлечь к себе внимание СМИ, особенно телевидения, но при этом всячески старалось скрыть свою заинтересованность в таком внимании. Пресс-конференциям оно предпочитало тщательно продуманные утки информации.

НБП, почти все акции которой принадлежали к области символической политики, находилась на другом полюсе. В отличие от членов РНЕ, нацболы были сильны именно своим умением обращаться с символическим материалом\*, которое использовалось для демонстрации достоинств собственной организации и дискредитации конкурентов. В “Анатомии героя” Лимонов специально посвятил несколько абзацев обоснованию преимущества “политического” действия по сравнению с “физическим”, доказывая, что политкомиссары важнее солдат, а интеллектуалы эффективнее штурмовиков [Лимонов 1998: 68].

Бросаются в глаза и существенные различия в объектах политических атак этих двух организаций. Своими мишенями нацболы чаще всего избирали целые страны (США, Латвию, Хорватию) либо абстрактные процессы — перестройку, глобализацию или массовую культуру. Если жертвами акций со стороны НБП становились конкретные индивиды, то лишь в качестве персонификаций подобных абстракций. Характерно, что едва ли не чаще, чем люди, такими жертвами оказывались символические объекты — национальные флаги, здания посольств и т.п.

### АНАТОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ

Социологи, использующие понятие “стиль” применительно к правым и националистическим движениям, предлагают несколько подходов к его интерпретации. Так, К.Манхейм описывает “консервативный стиль” как мироощущение приходящих в упадок социальных групп [Манхейм 1994], Дж.Кларк связывает генезис субкультурного стиля скинхедов с частичной апроприацией и реинтерпретацией моделей доминирующей культуры [Clarke 1976], а Р.Хофштадтер видит в параноидном стиле американских ультраправых особый способ подавления тревожности, вызванной статусной неопределенностью [Hofstadter 1964]. Но несмотря на различия в акцентах, все эти теории сходятся в том, что подобные стили суть выражение депривации оказавшегося в кризисе класса, иррациональный ответ на фрустрацию трудных времен\*\*.

Но возможна и другая трактовка стиля радикальных националистов. Как показал П.Бурдьё, индивидов, попадающих под очарование того или иного политического стиля, можно рассматривать как рациональных агентов, выбирающих оптимальную стратегию борьбы за социальное доминирование своей группы [см., напр. Бурдьё 1993а]. В основе такого подхода лежит представление об обществе как о системе рынков, на которых определяется относительная ценность самых разных ресурсов — от экономического капитала до интеллектуального авторитета, от умения драться на ножах до связей в министерстве торговли [Бурдьё 1993б, Элиас 2002]. Соот-

73

\* Производство символической продукции всегда было слабым местом РНЕ. Даже партийная газета “Русский порядок” выходила редко и нерегулярно, поскольку не удавалось собрать достаточно статей для очередного номера.

\*\* Здесь стоит упомянуть также А.Молера, чьи попытки проследить дифференциацию политических стилей в германском нацизме фактически были проигнорированы коллегами, поскольку исследователь скомпрометировал себя противопоставлением “хорошего” фашистского стиля “плохому” национал-социалистическому [Mohler 1950].

